

Черный костюм, модный галстук, не напоминающий о пожаре в джунглях, кожаные английские туфли. Что еще нужно молодому преуспевающему «белому воротничку», пришедшему на работу в один из самых престижных московских банков.

На дворе поздняя и теплая весна сменялась не жарким летом. Плывущие по небу облака заставляли задумываться о предстоящем отпуске. И хотя нашему герою больше всего нравилось, уже ставшее украинским, родное черное море, новая должность заведующего одного из ведущих отделов обязывала найти для отдыха место более престижное.

С этими мыслями он начал свой второй рабочий день. А день выдался очень напряженный. Облигационные займы далеких российских городов, просроченные кредиты мелких фермеров, пафосные клиенты, обнимающие одной рукой неподъемные мобильные телефоны, а другой рукой дорогие кожаные портфели, набитые не деловыми бумагами, а спортивной формой. Но главным гвоздем программы был договор с на кредитование с одной из ведущих авиакомпаний, с помощью которого она по непростой схеме хотела скрыть несколько миллионов долларов от налогообложения. Я не стану утомлять дорого читателя техническими и финансовыми подробностями этой сделки и перейду к повествованию событий, завершивших второй рабочий день нашего героя.

К семи часам вечера, вернувшись от клиента, на руках у него уже был согласованный договор. Он вернулся в банк только по тому, что этот документ нужно было сдать начальнику управления его непосредственному начальнику. Семакин, так звали начальника управления, сидел в кабинете и встретил Валерия, так для определенности назовем нашего героя, стандартной для себя фразой.

— Ну, какие движения? — спросил он.

— Договор есть. Доделали. Что теперь?

— Иди к Львовой. Пусть визирует, — поцедил Семакин, не скрывая раздражения.

— Это куда?

— Мадам... или мадемузель... черт ее знает, Львова это наш начальник Юридической службы. Таких людей нужно знать... Мальчик.

— Так время семь часов... попробовал возразить Валерий.

— Ни чего страшного, она раньше десяти домой не уходит, а тебе ни кто не обещал, что жизнь и работа здесь будет легкой.

Спустившись на третий этаж, наш герой идет по узким катакомбам коридоров, с целью найти заветную табличку с искомой фамилией. Встретившийся охранник подсказал искомое направление. И вот подойдя к двери Валерий тихонько постучался и, приоткрыв дверь, спросил:

— Разрешите?

— Ты чего стучишься? Ненавижу когда стучаться, я здесь работу работаю, а не интимом занимаюсь. Будешь, заходя в мою спальню, стучаться, а в кабинет просто входи. Ты кто? Эту мощную тираду произнесла миленькая женщина лет двадцати семи или около этого, одетая в сиреневый костюм. Ее миленькое, но строгое лицико угашали аккуратные очки, на которые со лба спадали локоны серебристых волос.

— Я по поводу договора, меня Семакин послал, визировать. Ой, вернее, чтобы вы посмотрели

и завизировали, немного растерявшись от услышанного, произнес Валерий.

— Я не спрашиваю, зачем явился, я спрашиваю кто ты? Ладно, неси и садись, ткнула она, выгнув тоненький указательный пальчик хрупкой и элегантной ручки в направлении стула, стоящего напротив нее.

— Я Валерий, Валерий Камский, я новый начальник клиентского отдела ответил он, присаживаясь на указанное место.

— Ну, прямо таки Бонд, Джемс Бонд передразнила она его, несколько ухмыльнувшись, но, не отрывая глаз от принесенного Валерием документа, представилась. А я, просто Мария Львова. На рабочем столе Львовой был настоящий рабочий беспорядок. Из-за кипы документов, лежащих перед Валерием, не было видно не только документ, но и саму собеседницу.

— Какой кретин это составлял? не скрывая раздражения, спросила она. — Ну... ну я... и юристы клиента явно обидевшись, ответил Валерий.

— Ты что там уселся, ваятель. Наваляли, а мне потом по арбитражным судам носиться как угорелой. Бери стул и садись рядом. Как ваять мастаки все. А потом согласовывать и визировать подсовывают, а мне работай. Давай быстрее почти повелительным тоном произнесла Львова.

Валерий взял стул, обошел с ним стол Львовой и присел на некотором расстоянии от его раздраженной хозяйки. Взгляд его упал на стройные ножки Марии. Формы ног, закинутых одна на другую, с одной стороны, раздражительность и недоступность их обладательницы, с другой стороны, вызвали в нем бурю эмоций. Это был и восторг, и раздражение, почти ненависть к человеку, с которого он видел всего минуту. Короткая юбка ее костюма не скрывала кружев чулок, подчеркивавших стройность ног Львовой и усиливающих наплыв восторга и ненависти в Валерии.

— Ты бы еще к двери сел. Бери карандаш... Карандаш, а не ручку. Золотым пером ты Семакина удивляй, а я привыкла к простым карандашам. Бери копию, садись ближе и давай работать. Именно работать, а не делать то, что вы называете работой.

Валерий подсел ближе, почти в плотную в нем уже говорила злость. Но выполнив требование Марии он увидел то, что убило в нем последнюю надежду сосредоточиться на работе. Львова положила документ перед собой на коленку ноги, приковав его взгляд к своим ногам. Но это было еще не все. Наклонившись над документом, она, не задумываясь об этом, предоставила Валерию возможность увидеть ее грудь. Под оттопырившимся пиджаком костюма Марии он увидел брусличную ягодку ее соска, куполом венчавшего твердую, идеальной формы грудь. Львова была без лифчика, и одно осознание этого, заставило Валерия на секунду оторвать от этого чудного зрелища взгляд и изменить свою позу сидеть становилось все труднее, так как уведенное заставило зашевелиться его член. Это вызвало в нем такую злость, удержать которую смог он лишь едва. Он злился на себя, не на нее. Он не мог поверить в то, что, не смотря на способность Львовой унизить его, он ее хотел. Хотел и с этим поделать он ни чего не мог.

Между тем работа над объемным документом, ставшим причиной знакомства наших герояев, продолжалась. Валерий судорожно метался глазами от ног Марии к ее груди, от соска к своей копии договора, в которую дрожащей рукой пытался вписать замечания Львовой. Карандаш постоянно обламывался, ему было не по себе.

Между тем Мария метала молнии. Она прошлась по всем и Семакину, который берет идиотов

на работу, и правление банка, назначившего такого идиота как Семакина начальником управления, и на юристов клиента, которых должны были, но не выучили ни чему в институте. Валерий выслушивал это молча. Но когда очередь дошла до четвертого раздела он начал спорить. Этот раздел был его детищем, его «ноу-хай». Спор распылял оппонентов. Львова почти кричала. Валерий не отставал от нее. Кроме того, этот спор жег его член. Он все больше хотел ее.

— Кретин и дурак! — вырвалось из Марии на очередной строке четвертого раздела документа.

— Коза, овца, задолбала! — вскочил Валерий и швырнул в сторону свою копию договора, — я в своем деле понимаю не меньше чем ты, сука, — продолжал он.

Демарш Валерия ошарашил Марию. Кроме того, взгляд ее упал на его оттопыренные брюки, которые были почти перед ее лицом.

— Я здесь трачу на него время, а он мало того, что меня оскорбляет, так еще... еще... и своим членом у меня перед лицом водит: — возмущенно сказала она и вскочила, почти упервшись животом в торчавший член Валерия.

То, что произошло потом, больше всего удивило самого Валерия. Он считал себя самым невозмутимым человеком, не способным на необдуманные и импульсивные поступки. Посмотрев на стол Львовой бешеным взглядом, он смахнул с него все бумаги на пол. Схватив Марию, он бросил ее спиной на стол, подхватил ее ноги и запрокинул их кверху. Кинув взгляд ей между ног он увидел что Мария без трусов. Выбранные большие половые губы обрамляли ее розочку. Лобок покрывал, аккуратно подстриженный, треугольник волос, указывающий в виде вытянутой стрелки главное направление. Это было последней каплей.

— Сука, ты здесь еще и без белья. Я знаю, откуда твоя злость. Сейчас... — ловко расстегнув молнию брюк, он достал свой вздыбившейся член, подхватил ногу Марии, и нанизал ее на себя.

Член Валерия вошел в Марию без сопротивления. И тому была своя причина. До его прихода она сидела одна в своем кабинете и с сожалением размышляла о своей жизни. Работа это есть ее стиль и образ жизни. С утра и до позднего вечера. Она не помнила когда была последний раз в театре, когда просто гуляла по любимому бульвару. Она не вспомнила даже, с кем и когда она последний раз была в кино. Мысли о ком-то напомнили ей вкус прикосновений мужчины. Ей виделся не кто-то конкретный, а мужчина вообще. Она сняла с себя ажурные трусики и провела рукой по набухшей киске. Она тут же почувствовала вязкую влагу на кончиках своих пальцев и приятное жжение во влагалище. Аккуратно расправив губки своего цветка, она прикоснулась к горошинке, спрятавшейся в капюшоне малых губ. Сладкая волна заставила сократиться мышцы бедер и отозвалась приятной болью в сосках. Левой рукой она взяла набухший сосок нежными пальчиками и сжала почти до боли. Когда сладкая волна оргазма должна была захлестнуть ее... в дверь постучались. Ее злости не было предела.

Пока Мария обсуждала документ, который принес Валерий, она, сжимая и разжимая мышцы бедер, почти довела себя до оргазма. Ее очень злило то, что рядом сидит милый и симпатичный мальчик, она его хочет, а вынуждена заниматься этой уже ненавистной работой.

— Мразь, скотина, прекрати! — выкрикивала Мария с каждым ударом члена Валерия о ее плоть. Сначала она пыталась вырвать ноги из крепких его рук, но поджав их ближе к своему телу.

— Прекрати! — произносила она, постепенно переходя с крика на страстный хрип, вырывавшийся из ее горла.

Она в порыве страсти, которую не могла уже удержать в себе, закинула руки за голову.

Прижав колени к груди, она пыталась вырвать ноги из крепких рук Валерия. Но ощущив в себе движения его члена, страстно выгнула спину.

— Еще, еще... еще! — вдруг вырвалось из ее горла, когда влагалищем почувствовала она как горячая струя спермы разрывает ее плоть. Она почти потеряла сознание от нахлынувшей волны удовлетворения:

Валерий сидел на стуле и тупо смотрел в пол. Мария, очнувшись, поднялась со стола и стала медленно поправлять свою одежду.

— Простите... я... не... я... Валерий не смел смотреть на нее. Он бормотал и только думал про себя, как такое могло произойти, произойти с ним.

— Ладно, милый, — сказала Мария, нежно погладив его по голове — но четвертый раздел лучше все-таки переделать.